

Ли чувствовала себя дворняжкой, которую спасли из приюта и заставили дефилировать перед новыми хозяевами. Пару минут назад лимузин, на заднем сиденье которого она сидела, заехал, как ей показалось, в главные ворота средневекового замка. Проезжая под высокой аркой, Ли бросила взгляд на сторожевую башню и краем глаза увидела ряды ружей вдоль стен. Обернувшись, она уставилась в окно на стражников, затворявших за лимузином железные ворота. Только вместо кольчуги на них были дизайнерские костюмы, а вместо мечей — торчащие из-под пиджаков пистолеты.

Она снова села лицом вперед. Ее отец был полицейским, и от него она знала об огнестрельном оружии больше любого взрослого. Он не раз водил ее в тир, и сомневаться в своей меткости ей не приходилось — она была чертовски хорошим стрелком. Но все же от целого склада оружия, собранного в одном месте, у нее захватывало дух. Подняв глаза на зеркало заднего вида, она заметила, как ее отражение грызет ноготь большого пальца. Она сжала руки в кулаки и резко опустила их на колени.

Чтобы добраться от ворот до особняка, огромной черной машине потребовалось целых пять минут. Всю дорогу они ехали со скоростью пятьдесят километров в час. Ли обратила внимание на спидометр. Подсчитала. Пятьдесят

километров в шестьдесят минут — это восемьсот метров в минуту. За пять минут машина проезжает четыре тысячи метров. Значит, длина подъездной дороги — именно так, по всей видимости, ее называют такие люди, как Симмонсы — Пирсы, — около четырех километров.

И вот она предстала перед своей новой семьей в ожидании вердикта. В рассматривающих ее глазах виделись неуверенность и сомнение. Их взгляды остановились на длинной черной челке Ли, свисающей лохматым клубком ей на глаза, неряшливо заправленной за уши и спускающейся по затылку до самой шеи. Отсутствие макияжа и маникюра тоже не помогало произвести впечатление. По сути, и маникюр-то делать было не на чем: все ногти она сгрызла под корень.

Стоя в своих рваных джинсах и мешковатой толстовке с разноцветными разводами, она представила, как ее кузен Тринтин Симмонс, его жена Пег и их дочь Мира думают про себя: «А вдруг она будет грызть мебель и писать на ковры?»

Ли не могла заставить себя посмотреть им в глаза. Щеки у нее сделались пунцовыми от стыда, и она потупила взгляд на синие каракули, которые когда-то нарисовала на носках своих высоких красных кедров.

— Я не знаю, как благодарить вас, миссис Симмонс, за то, что вы меня приняли, — промямлила она, надеясь отвлечь их молчаливое внимание от своей внешности.

— Прошу тебя, — проворковала хозяйка поместья, — зови меня тетей Пегги. Или, если угодно, просто Пег.

Ли перевела взгляд на высившийся перед ней замок. Громадный старинный замок, сложенный из гигантских серых валунов, в которых, словно разбитое стекло в канаве, сверкали крошечные камушки. Зеленый плющ осаждал этот замок по меньшей мере два столетия, но так и не смог добраться и до середины его уносящихся ввысь стен.

Тристин не спеша подошел к Ли и встал рядом, чтобы разделить с ней ее восторг.

— Впечатляет, правда? Родовое поместье семейства Симмонсов — Пирсов.

Он гордо провел рукой по воздуху, как бы знакомя ее с замком.

— На протяжении почти всей американской истории этот дом был центром событий. Здесь подписывали соглашения президенты, составляли боевые планы генералы, сговаривались шпионы, танцевали на балах меценаты. Этот дом не памятник истории. Он и есть история.

— Папа, сейчас не время для всего этого. Уверена, Ли гораздо важнее сейчас не прошлое нашего дома, а ее собственное будущее.

Ли посмотрела на Миру Симмонс и улыбнулась ей. Кухине Мире.

Они все — Мира, Пег, Тристин — приходились ей дальними родственниками. Очень дальними. Циничная сторона Ли подсказывала ей, что Пег и Тристин назвались тетей и дядей, только чтобы показать, что они здесь главные. Что диктовать условия будут они.

Но Ли не собиралась стирать со своего лица улыбку. Ей было наплевать. И на них, и на все на свете.

Чтобы сюда попасть, ей пришлось убедить психиатров, что она не представляет для себя угрозы. В определенной мере это была правда. Правда, готовая разбиться под весом упавшей ресницы. Сегодня. Завтра. На следующей неделе. Через какое-то время она снова попытается.

«А пока просто улыбайся», — сказала себе Ли.

И обратила свою натянутую улыбку к Мире.

Мире было девятнадцать, на три года больше, чем Ли. На ней были настолько дорогие брюки из джинсовой ткани, что назвать их джинсами не поворачивался язык,

а поношенный свитер никак не сочетался с его собственным ценником. Над ее волосами и ногтями стилисты поработали с величайшей скрупулезностью — и все ради того, чтобы она выглядела как все. Ли подсчитала, что в потрясающе обыкновенную внешность Миры Симмонс была вложена минимум тысяча долларов.

— Видишь это окно? — спросила Мира, показывая на башню, которая приковала взгляды Ли и Тринина. — Третье снизу. На этом этаже это единственная комната. И она твоя.

Она наклонилась к Ли так, будто собиралась поделиться секретом, но вместо этого обычным голосом произнесла:

— По мне, так это лучшая комната в доме.

— Почему же? — спросила Ли, интересуясь ответом только наполовину.

— Из-за призраков!

Интерес Ли подрос еще на четверть.

— Призраков? Круто!

Мира засмеялась.

— Мира, — осекла ее Пег, — не забивай Ли голову всякой чепухой. Прости, Ли, — продолжила она. — Наша Мира слишком много времени проводит за телевизором.

— И слишком мало за учебниками, — добавил Тринин. — Когда осенью начнется учеба в колледже, такое уже не пройдет.

Пег недовольно вздохнула.

— Мира, будь добра, проводи Ли в ее комнату, пока мы опять не начали *этот* разговор. Ужин будет готов через двадцать минут.

— Конечно, — ответила Мира.

Выглядывая из-за маминого плеча, Мира подняла брови и игриво сморщила губы.

— Люблю тебя, папочка.

Тристин улыбнулся, вздохнул и покачал головой в знак поражения.

— И я тебя люблю.

Мира подняла с пола чемодан Ли и повела ее внутрь. Ли двумя руками взяла свою спортивную брезентовую сумку и покорно последовала за Мирой.

Изнутри стены особняка были обшиты панелями темного дерева. От количества портретов на них глаза Ли непроизвольно расширились. Те немногие зазоры, что оставались между изображениями представителей рода Симмонсов — Пирсов, заполняли пейзажи.

Наклонившись слегка в сторону, Ли заглянула в соседнюю гостиную. Как и в фойе, в ней тоже стены были увешаны картинами.

Тяжело дыша, Ли бросила сумку на пол. Почувствовав в сердце какую-то необъяснимую надежду, она ринулась в комнату. Не обращая внимания на остальные портреты, она остановилась у изображения женщины, висевшего рядом с окном.

На сусальном золоте рамы, будто гало окружавшем картину, переливался солнечный свет. Женщина с портрета была одета в синее платье с пышной юбкой из давно ушедшей эпохи. У нее были золотисто-каштановые кудрявые волосы, и на лице светилась добрая улыбка.

Мира встала рядом.

— Ли? Что такое?

— Кто эта женщина? — спросила Ли, показывая на картину.

— Это Ребекка-Флоренс Пирс. Она умерла в начале девятнадцатого века. А что?

Ли засунула руку в потайной карман своей толстовки и принялась в нем что-то нащупывать. Наконец она достала оттуда фотографию и протянула ее Мире.

— Посмотри, на этом снимке моя... была... моя мать.

Несколько секунд Мира изучала фотографию, сравнивая ее с картиной.

— Спасибо, — сказала Мира, отдавая фотографию обратно. — Я не хотела спрашивать сама. По крайней мере, не сразу. О том, кем ты нам приходишься. Вопрос касается твоих родителей, а значит, отвечать на него или нет, ты должна решить сама.

Ли пристально посмотрела на Миру, пытаясь за дорогим фасадом разглядеть человека.

Мира проявила уважение к ее тайнам, но ведь она знала Ли не лучше, чем какого-нибудь попрошайку на улице. Выходит, Мира уважает всех по умолчанию.

Ли не знала, как долго она продержится в поместье Симмонсов — Пирсов, не знала, как долго продержится в живых. Она не стремилась заводить друзей, но это не значило, что ей хотелось бы завести врагов.

— Ничего, — ответила Ли. — Тебе хотя бы хватило так-та не спрашивать. Обычно бывает иначе. Всем кажется, будто я обязана потакать их любопытству и объясняться.

Ли покраснела и опустила взгляд на кеды. Совершенно бессознательно она натянула рукава толстовки на шрамы, красовавшиеся на ее запястьях, и так крепко сжала пальцы вокруг отворотов, что побелели костяшки.

— Во всем.

Ресницы Миры задрожали, и из ее глаз выкатились слезинки.

Ли стиснула зубы. Она ненавидела, когда ее жалели. И терпеть не могла, когда пытались утешить. Это лишь значило, что от ее боли людям становилось неловко и на самом деле они старались успокоить только самих себя.

Но Мира была другой. В ее отношении не было жалости. Она принимала Ли такой, какая она есть, и разделяла ее грусть, как могла, — не пытаясь ее игнорировать, будто грязное пятно на ковре, или, что еще хуже, исправить.

Исправить *Ли*. Страдание было частью ее личности, и Мира не пыталась этого изменить.

— Пойдем, — сказала Мира, будто почувствовав ее мрачные мысли. — Тебе, может, даже понравится твоя комната.

— Сомневаюсь, — пробубнила себе под нос Ли, выходя за Мирой из гостиной.

Они вернулись в фойе и прошли через него в библиотеку, дверь в которую располагалась точно напротив входа в гостиную с портретом Ребекки Пирс.

Портретов в библиотеке висело в разы меньше, чем в гостиной. Вместо них стены были заняты тяжелыми книжными полками. А все те немногие портреты, что были, плотно висели вокруг огромной картины над камином.

На ней был изображен сурового вида бородатый старик без усов. Он сидел в кресле, а за ним, в верхнем левом углу, почти за пределами картины, стоял азиатский слуга. В выражении лица сидящего не было и намека на мягкость, а пронзительный взгляд его глаз, смотрящих из-под густых кустистых бровей, казалось, следил за каждым движением Ли.

— Вот это, — произнесла Мира, показывая на два гораздо более маленьких и веселых портрета, — близнецы Кристиан и Коринна Пирс, дети Ребекки.

Ли моргнула, пытаясь стряхнуть с себя взгляд старика с картины, и в изумлении перевела взгляд туда, куда указала Мира. Коринна была похожа на женщину с фотографии еще сильнее Ребекки. Плечи Ли дернулись, по ее спине пробежала дрожь. В вытянутых лицах этих мертвецов было слишком много черт ее матери — как в ее собственном. С такой потусторонней жутью она не была готова столкнуться.

— Итак, — сказала Мира, указывая на мужчину на портрете, — нашему кузену Кристиану предстояло унаследовать семейный бизнес. А до тех пор он намеревался

провести по году в каждом из портов, в которых у нашей фирмы были представительства. В тот год, когда он планировал ехать в Британскую Вест-Индию, Коринна захотела поехать с ним. В ту эпоху способов занять свое время у молодых женщин было еще меньше, чем у мужчин.

Мира хихикнула над своей шуткой. Ли натянуто улыбнулась.

— Там она встретила Монро.

Мира сделала паузу, ожидая, когда Ли задаст само собой разумеющийся вопрос.

Ли прилежно исполнила свою роль:

— Кто такой Монро?

— Фермер, который выращивал сахарный тростник! Недостаточно богатый, чтобы называться плантатором. Просто мелкий фермер.

— Чую, дома у нее все обрадовались, — заметила Ли.

— Как бы не так, — сказала Мира. — Мало того, Монро был из местных. Он был темнокожим. Сейчас не проблема, но в начале девятнадцатого века!.. Скандал! Теперь представь себе, как отреагировали родственники, когда Коринна объявила о помолвке. Они поставили ультиматум: либо ты отменяешь свадьбу, либо мы от тебя отрекаемся.

— И что же она сделала? — спросила Ли, чувствуя, как внутри поднимается незнакомый интерес. Это все-таки ее предки.

— Она послала весь клан Симмонсов — Пирсов к черту вместе с их деньгами и вышла замуж за Монро.

Ли искренне улыбнулась портрету.

— Так их, наша девочка!

— Именно! — На лице Миры тоже засияла обращенная к портрету Коринны улыбка, а в голосе зазвучали нотки гордости. — Мне она тоже нравится.

— А что случилось дальше? — спросила Ли.

Мира сдвинула брови.

— В смысле?

— С Коринной. Как сложилась ее жизнь? Были ли у нее дети?

— Легко догадаться, — ответила Мира. — Ты же существуешь.

Ли промолчала, взглядом требуя подробностей.

Мира объяснила:

— Сейчас нам трудно представить, чтобы родители могли отвернуться от своих детей. А тогда «отречься» означало *отречься*. Замужество Коринны — последнее, что услышала о ней семья. — Мира притихла, посмотрела на картину и каким-то далеким голосом продолжила: — Странно это. Я выросла в этом доме и, естественно, не могла не думать о семье Коринны. О том, где сейчас живут ее потомки.

Она повернулась к Ли и улыбнулась.

— Я думала о тебе, не зная, что думаю о тебе. А теперь ты стоишь передо мной.

Ли пожала плечами и поморщилась.

— Стою. Надеюсь, я не слишком тебя разочаровала.

Мира подняла брови и сжала губы, как в тот раз, когда они стояли на улице с отцом.

— Не слишком разочаровала, нет. По крайней мере, пока.

И тут Мира залилась беззаботным смехом. Ли стало заметно, что Мира может так радоваться, и ее лицо залило краской от стыда.

Нельзя было пускать свои мысли на такую опасную территорию, так что она указала на огромный портрет и спросила:

— А это кто?

Мира широко раскинула руки, будто обнимая это громадное изображение хмурого старика над камином.

— Боди Пирс!

Ли усмехнулась.

— Боди?

— Ну, это я его так называю. На самом деле его звали Икабод.

Мира жалостливо покачала головой. Обращаясь к порtretу, она произнесла:

— О чем только думали твои родители?

Девушки усмехнулись. Ли поразилась непривычному для нее звуку собственного смеха.

— А что такого особенного в этом Боди? — спросила она, чтобы уже закрыть этот вопрос.

Глаза Миры восторженно заблестели.

— В поместье обитает его дух.

— А ты его видела?

— Нет. Как и никто из нашей семьи. Мама с папой считают это все чепухой. Но про него ходит много легенд. Согласно одной из них, дух Большого Боди является только тогда, когда семье грозит большая беда. Маленький Боди — это другая история, но его я тоже ни разу не видела.

Ли наклонила голову набок, словно озадаченный щенок.

— Маленький Боди?

— Мира, — позвала Пег из другой части дома, — ты собираешься отводить Ли в ее комнату? Скоро ужин.

Мира закатила глаза.

— Объясню наверху, — прошептала она.

Ли последовала за Мирой к парадной лестнице. На втором этаже Мира сказала:

— Здесь комната мамы с папой.

Она махнула рукой куда-то далеко в сторону, так что Ли осталась без малейшего понятия, на какую из многочисленных дверей кухня на самом деле указывала.

Мира пошла в самый конец коридора, Ли не оставалось ничего другого, кроме как пойти за ней. Чем глубже она заходила в дом и чем больше видела, тем сильнее ей казалось, что она попала на съемочную площадку какого-то

британского сериала: совсем не такое она ожидала увидеть в отдаленном уголке Мэриленда. Всеми фибрами души она чувствовала, что здесь ей не место, но больше податься ей было некуда.

Вдруг картинка начала расплываться в глазах Ли. Жестким уголком спортивной сумки, которую она сжимала в руках, Ли поспешила промокнуть подступившие слезы — пока не заметила Мира.

— А вот моя комната, — прошептала Мира, покаяваясь на такую же старую и скучную дверь, как все остальные.

Прямо напротив нее было небольшое пространство с купольным сводом. В этой своеобразной пещерке находилась винтовая лестница, очень крутая и узкая. Мира подошла к ней и стала подниматься.

Ли шла за Мирой, отставая на две ступеньки, и когда они добрались до верха, оказались на крошечной площадке, едва способной уместить одного человека. На площадке этой находилась необычного вида деревянная дверь: она была круглой и меньше, чем все остальные.

Будто поддразнивая, Мира спросила:

— Тот еще подъемчик, да?

— Да, с такой-то сумкой. Не очень мне нравится идея подниматься по этой лестнице каждый раз, когда надо будет принести в комнату что-то тяжелое.

Губы Миры расплылись в лукавой полуулыбке:

— А, так на второй этаж ходит лифт, но я подумала, что после целого дня в машине тебе не помешает немного размяться.

У Ли отвисла челюсть.

— Розыгрыш? Серьезно?

— Небольшой, — ухмыльнулась Мира. — Надеюсь, ты на меня не злишься.

— Не злюсь. Но мы еще поквитаемся, — ответила Ли.

Улыбаясь еще шире, Мира открыла маленькую круглую дверь и зашла внутрь. Ли нагнулась и вошла за ней. И тут же влюбилась в то, что увидела.

Комната была гораздо просторнее, чем казалось снаружи. Первое, что бросалось в глаза, — это то, что комната, как и дверь, была круглая. Второе — что спальная, гостиная и гардеробная зоны находились на разных уровнях.

Односпальная кровать стояла прямо напротив двери — на самом широком подоконнике, что в своей жизни видела Ли. По сути, спальную зону можно было бы считать антресолю, только вместо пустого пространства под ней был самый настоящий фундамент из грубо отесанного камня, похожего на тот, которым замок был отделан снаружи.

Ли бросила сумку посреди комнаты и стала взбираться вверх по деревянной лестнице, которая своими крутыми ступенями больше напоминала стремянку. Поднимаясь вдоль стены, они повторяли ее изгиб и гулким эхом отражали каждый шаг.

Забравшись наверх, Ли обнаружила, что на этом балкончике было предостаточно места и для кровати, и для тумбочки, и для того, чтобы свободно по нему ходить и не бояться упасть. Но и на такой случай все было предусмотрено: по краю разместились полированные деревянные перила. По другую сторону кровати от пола до потолка возвышался живописный эркер. Тяжелые шторы были раздвинуты, и от слепящего вечернего солнца глаза защищал только тонкий тюль. Выглянув в окно, Ли увидела простирающиеся вдаль километры лесов и полей.

Спустившись на основной уровень, Ли прошла к находящейся в углублении гостиной. В этот раз ей ничто не мешало переступить через край: в эту яму глубиной в метр можно было либо спрыгнуть, либо пройти по невысокой лесенке. Она выбрала более достойный способ,

прекрасно зная, что, как только останется в комнате одна, обязательно выберет кратчайший путь.

Из прямоугольного окна, расположенного под самым потолком в дальнем конце гостиной зоны, лился солнечный свет. Слегка подпрыгнув, Ли зацепилась пальцами за подоконник и подтянулась. Теперь ей стало ясно, как эта комната расположена относительно всего дома: из окна виднелась уходящая в лес подъездная дорога, значит, когда они были на улице, Мира показывала именно на это окно.

— Ого! — воскликнула Мира, все еще стоя в гардеробной. — Ты подтянулась, как нечего делать.

Не обращая на нее внимания, Ли спрыгнула вниз.

Три каменные ступеньки справа вели в еще одну комнату. Поднявшись по ним, Ли обнаружила себя в ванной. За счет дугообразной стены, отделяющей ее от остального помещения, она также имела форму окружности — своеобразный круг внутри круга.

— Уютно, но при этом не тесно, — сказала Мира, последовав за Ли в гостиную.

Ли выбежала из ванной и, перепрыгнув через ступеньки, мягко приземлилась на носочки. По ее телу разлилось приятное тепло, которое она не чувствовала уже больше месяца. Когда ей сообщили, что ее родителей убили, ее душа превратилась в Северный Ледовитый океан. А через неделю заключения в этом морозном одиночестве она впервые попыталась причинить себе вред. Сейчас была первая с той ужасной ночи оттепель в ее депрессии.

— Комната просто чудесная, — сказала она. — Это снюва розыгрыш или она и правда моя?

— Твоя на все сто, — ласково ответила Мира.

За спиной Миры Ли заметила одинокий портрет, висящий на дальней стене. Когда она только зашла в комнату, она не обратила на него внимания, потому что была

повернута к нему спиной. Ли поднялась из гостинной зоны, подошла к портрету и стала его рассматривать.

На нем был изображен мальчик, на вид несколькими годами младше нее. Пряди его белокурых волос спадали ему прямо на большие, прекрасные голубые глаза. Копна золотистых локонов спускалась по его спине слишком низко даже для тех времен. Нет, волосы его не были растрепаны, одежда была выстирана, а бархатистая кожа чиста, однако опрятным его вид назвать было нельзя.

Черты его лица были тонкими и прекрасными. Можно даже сказать, изящными. По щекам и переносице были рассыпаны еле заметные веснушки. В разрезе полуоткрытого рта Ли заметила два по-детски выдающихся передних зуба. Казалось, мальчик пытался изобразить для пишущего его художника улыбку, но у него не вполне получилось. Приподнятые уголки бледно-розовых губ не позволяли назвать его невинным ангелочком, но и дьяволенком он не казался.

«Настоящий мальчишка», — решила про себя Ли.

Чем дольше она смотрела на картину, тем сильнее менялось ее впечатление о том, каким мог быть этот мальчик. По отдельности его черты казались невероятно милыми. А вместе — делали его лицо грустным. Его печаль смешалась с ее печалью, и где-то в далеком уголке своего сердца она почувствовала, что этот мальчик был ее родственной душой — тем, кому была знакома скорбь.

— Это, — произнесла Мира, выведя Ли из задумчивости, — Маленький Боди.

— Второе привидение?

— Вовсе нет, — засмеялась Мира. — Большой Боди и Маленький Боди — это одно и то же привидение.

Ли посмотрела на Миру и моргнула, пытаясь понять, что та имеет в виду.

— Маленький Боди — это и есть Большой Боди, только в детстве?

— Именно, — подтвердила Мира.

— А откуда ты знаешь, что они одно и то же привидение?

Мира усмехнулась:

— Чтобы доказать, что с нами живет привидение, наши с тобой предки, дорогая моя кузина, наняли некую мадам Страшную-Ведьму. Никто не удивился, когда она сказала, что по дому скитается старик Боди. А что действительно привело всех в недоумение, так это ее слова о Маленьком Боди. Она заявила, что в определенных местах, там, где при жизни Икабод Пирс был наиболее счастлив, его дух принимал детский облик. Дальше можешь сама представить, что было. Ясновидящая, не теряя времени, слила эту историю в газеты, а те поживились на ней, как могли. Ведьма представила все так, что в итоге стала самым известным в мире медиумом. О подобном раньше никто не слышал, и она приложила все усилия к тому, чтобы никто не забыл, что это было именно ее открытие. Где-то в библиотеке лежат ее мемуары. Почитай как-нибудь.

Ли этого делать, конечно же, не собиралась.

— То есть никто никогда не видел ни одного из этих призраков? — спросила она.

— Неправда, — возразила Мира. — Я сказала, их не видел *никто из нас*. Но их видели в прошлом. Большой Боди частенько показывался во время Второй мировой и холодной войны. Был даже генерал, уверявший, что всю ночь беседовал с ним о том, что может случиться, если Соединенные Штаты решат напасть на Японию. Он говорил, что это Боди вдохновил его вести агитацию против этого плана.

— Да ты все это выдумываешь, — возмутилась Ли.

Но Мира не успела ответить: снизу ручейком донесся голос Пег.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

